

западноевропейского общества, вызванных этими изменениями, и перемен в международных отношениях в XI—XIII вв.

Советская медиевистика, развивая „лучшие образцы, традиции“ отечественных исследователей „с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры“,¹ критически используя наследство буржуазной историографии крестовых походов, отбрасывая ее слабые стороны, продолжает и углубляет разработку проблемы крестовых походов.

М. А. Заборов

II. РЕЦЕНЗИИ

М. Я. СЮЗЮМОВ. ПРОБЛЕМЫ ИКОНОБОРЧЕСТВА В ВИЗАНТИИ

Отдельный оттиск из „Ученых записок Свердл. гос. педагогич. ин-та“, т. IV, стр. 48—110, Свердловск, 1948.

Исследование свердловского историка М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества в Византии“ является извлечением из его кандидатской диссертации, защищенной в 1943 г. М. Я. Сюзюмов попытался поставить и разрешить некоторые основные вопросы ранней истории Византии и прежде всего вопрос о переходе к феодальной формации.

Работа состоит из трех глав. Первая глава — „Дофеодальный период византийской истории“ — дает общий очерк истории Византии до начала XI в.; во второй главе — „Иконоборчество и монастырское землевладение“, носящей преимущественно критический характер, и в третьей главе — „Роль изъятия церковных сокровищ в иконоборческом движении в Византии“ — автор пересматривает традиционные представления об иконоборческом движении и излагает собственные взгляды на эту многократно изучавшуюся, но все еще недостаточно изученную проблему.

Основная часть исследования М. Я. Сюзюмова составляет содержание двух последних глав; введением к ним служит заключительный раздел первой главы, дающий периодизацию иконоборческого движения. Такая конструкция работы является не вполне удачной, так как периодизация базируется на выводах, к которым автор приходит уже в последних двух главах: поэтому читателю приходится принимать эту периодизацию до того, как он ознакомился с концепцией, объясняющей сущность самого иконоборческого движения.

М. Я. Сюзюмов рассматривает иконоборчество как широкое общественное движение, в котором на различных его этапах принимали участие различные слои населения, внешне объединенные отрицательным отношением к иконам (стр. 69). По его мнению, иконоборческое движение зародилось в эпоху гибели крупного рабовладельческого землевладения и распространения свободной общины. На первых порах оно развивалось в крестьянской массе и в качестве ереси являлось выражением протеста крестьян против старых господствующих классов и поддерживавшей их церкви. Это движение развивалось „в массах независимо от иконоборческой политики“ (стр. 101).

В дальнейшем, по мнению М. Я. Сюзюмова, социальная база иконоборчества расширяется, вместе с тем меняется и его характер.

¹ Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 148.

В него включается часть господствующего класса в лице растущей фемной знати, интересы которой отражала династия Исавров, а также части малоазиатского епископата, стремившегося путем незначительных уступок в вопросах культа сохранить свое положение и влияние на массы.

Автор считает, что противником фемной знати в этой борьбе выступает главным образом константинопольский патрициат. В иконоборческом движении интересы константинопольской знати столкнулись с интересами провинциального фемного землевладения, потому что, по мнению автора, спор об иконах был борьбой не против монастырского землевладения, как это считается обычно, а за овладение церковными сокровищами. В тяжелых условиях арабского вторжения, когда государственные доходы сократились в связи с упадком средиземноморской торговли, фемная знать, тогда еще заинтересованная в сохранении централизованного государства, стремилась воспользоваться храмовыми сокровищами, пополнить за их счет казну и отстоять независимость Византии. Константинопольская же знать выступила против изъятия церковных сокровищ, потому что, по мнению М. Я. Сюзюмова, они играли роль резервного фонда ростовщического капитала (стр. 103), черпая из которого, константинопольский патрициат умножал свои богатства. Таким образом, автор пытается вскрыть социальные корни иконоборчества на этом этапе, рассматривая его как борьбу между фемной знатью и городским патрициатом за захват монастырского, главным образом, движимого имущества, а не как борьбу „государства“ против „крупного землевладения“ вообще. Тем самым М. Я. Сюзюмов выступает и против традиционного представления буржуазного византиноведения, идеализирующего византийское государство; он показывает, что и в Византии государство не было абстрактным противником феодализма и крупного землевладения, но являлось выразителем интересов определенной социальной группировки.

Интересная по замыслу концепция М. Я. Сюзюмова не может быть, однако, признана достаточно аргументированной.

Прежде всего автору не удалось дать четкую периодизацию истории Византии.

Свою работу М. Я. Сюзюмов начинает с характеристики того периода, который он называет „позднерабовладельческим“ и относит к I—VI вв. В целом автор дает правильную характеристику этого периода как периода реакции в условиях кризиса рабовладельческой системы, однако некоторые положения его вызывают возражения. При рассмотрении периода I—VI вв. автор недостаточно четко разграничивает отдельные стадии в развитии позднерабовладельческого Рима, смешивая три по существу различных этапа, через которые прошло в это время рабовладельческое общество.

Для I в. еще рано говорить об ослаблении рабовладельческого поместья, наоборот, в это время имеет место максимальный рост рабовладельческого землевладения: хотя Колумелла и жалуется на истощение почвы вследствие применения рабского труда, тем не менее и он предпочитает рабский труд свободному. Кроме того, в I в. попытки выйти из кризиса носят иной характер, чем это представляется автору: в это время устанавливается открытая диктатура рабовладельцев. Автор не учел этого обстоятельства и перенес уже на I в. процессы, которые начались в следующие столетия.

В действительности, только во II—III вв. наблюдается относительный подъем мелкого землевладения как результат той „потребности

в более инициативном работнике“, осознание которой господствующим классом М. Я. Сюзюмов склонен относить уже к I в. Во II—III вв. появляется и расширяется практика сдачи земли в аренду *proxiimis possessoribus*, развивается свободный колонат, распространяется пекулий. И только в это время (отнюдь не в I в.) появляются юридические теории, отражающие попытки рабовладельцев выйти из кризиса путем повышения заинтересованности в труде непосредственного производителя. К слову сказать, не Ульпиан, как пишет М. Я. Сюзюмов (стр. 51), а еще до него Гай первым объявил рабство учреждением *juris gentilis*, т. е. учреждением *contra naturam*. Появление теорий естественного равенства было следствием сдвигов, которые произошли в социальных отношениях и в идеологии рабовладельцев, и объективным назначением этих теорий было оправдание новых форм эксплуатации непосредственного производителя. Поэтому нам представляется неправильным объяснять возникновение учения о естественном равенстве необходимостью повысить самосознание раба (стр. 51). Едва ли теории Гая и Ульпиана предназначались для рабов.

Новые формы эксплуатации рабского труда не привели, однако, к преодолению кризиса рабовладельческого общества — они дали лишь временный выход из него. М. Я. Сюзюмов упустил из виду обострение классовой борьбы рабов и колонов в III в. (*quasi-servile bellum* в Сицилии, восстание багаудов) и в IV в. (движение циркумцеллионов).

Наконец, можно выделить третий этап развития поздне рабовладельческого общества (IV—VI вв.): в это время происходит консолидация рабовладельцев. На Западе, где рабовладельческое государство было расшатано движением рабов, колонов и варварскими завоеваниями, она не увенчалась успехом. На Востоке, где господствующий класс в значительной мере существовал за счет централизованной эксплуатации непосредственного производителя через государственный аппарат, восторжествовала рабовладельческая реакция (эпоха Юстиниана).

Более четкое разграничение этих этапов в развитии поздне рабовладельческого общества устранило бы ряд недоуменных вопросов, которые вызывает у читателя ознакомление с первыми страницами исследования М. Я. Сюзюмова.

Автор недостаточно четко поставил здесь вопросы о колонате, об общине, о социальных функциях христианства.

Например, весьма спорной является мысль М. Я. Сюзюмова о христианстве поздне рабовладельческого периода как об идеологическом факторе, при помощи которого рабовладельцы стремились сделать раба более инициативным работником (стр. 52).

Нельзя согласиться и с мнением М. Я. Сюзюмова о том, что в VI в. свободное крестьянство в Византии „в подавляющей массе не знало общины“ (стр. 53). Этот вопрос получил иное освещение в советской литературе: в работах М. В. Левченко¹ и А. Б. Рановича² было показано, что общинные отношения сохранялись во Фракии, Галатии, Египте, Писидии, Сирии и даже в наиболее развитой римской провинции — Азии.

Поскольку основной проблемой исследования являются процессы, развернувшиеся после крушения „поздне рабовладельческого“ общества, естественно, главное внимание читателя привлекает интерпретация

¹ См. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 12 и сл.

² А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III веках. М.—Л., 1949, стр. 256—257.

автором проблем развития византийского общества в VI—VIII вв. (стр. 55 сл.). Собственно, в понимании автором особенностей этого периода и заключаются предпосылки его концепции иконоборческого движения.

Отправным пунктом всего исследования М. Я. Сюзюмова является мысль о том, что в истории Византии, так же как и западноевропейского общества, существовал период, когда античное рабство исчезло, а феодальная зависимость еще не сложилась.

Несомненная заслуга М. Я. Сюзюмова состоит в отчетливом показе того, что в Византии, как и на Западе, гибель рабовладельческого общества произошла революционным путем. М. Я. Сюзюмов начисто порвал с теорией, рисовавшей социально-экономическое и политическое развитие Византии как процесс медленного и постепенного перерождения византийского рабовладельческого общества в феодальное. В его работе убедительно показано, что переход к феодальной формации в Византии явился грандиозным переворотом, в котором массовые революционные выступления „низов“ сочетались со славянскими вторжениями на Западе и арабскими завоеваниями на Востоке. И в Византии времени генезиса феодализма предшествовал период коренной ломки старых общественных отношений.

Значение революции VII в. заключалось, по справедливому суждению М. Я. Сюзюмова, в том, что она лишила преобладающего положения землевладельцев, строивших свое хозяйство на эксплуатации рабского труда, что „в буре варварских нашествий и народных волнений“ пало старое крупное землевладение и „Византия превратилась в страну свободного крестьянства“ (стр. 58). Рисуя византийскую деревню этого периода, которую данные „Земледельческого закона“ и житийной литературы позволяют представить как общину свободных крестьян-собственников, М. Я. Сюзюмов правильно подчеркивает, что она была создана „на обломках в значительной степени ослабленного крупного рабовладельческого землевладения“ (стр. 61).

Специфическая особенность Византии этого периода состояла в том, что город не потерял своего значения (стр. 66). Это в значительной степени определило сложность социальной структуры, классовых интересов и противоречий в Византии. Анализ социальной жизни и политической роли византийского города в эту эпоху является весьма ценным. М. Я. Сюзюмов вскрывает специфику византийского города, показывает, что город довел над деревней, эксплуатировал ее экономически (ростовщичество и т. д.) и политически (административный и фискальный гнет) (стр. 58 сл.).

Однако ни в коей мере нельзя согласиться с тем, что М. Я. Сюзюмов называет этот период дофеодальным. По нашему мнению, этот термин следует применять лишь к тем обществам, которые, подобно Киевской Руси, миновали в своем развитии рабовладельческую формацию.

Часть исследования, посвященная характеристике „дофеодальной“ Византии, содержит ряд недостатков. М. Я. Сюзюмов не устанавливает четких хронологических рамок „дофеодального“ периода. Иногда он определяет этот период VII—VIII вв. (стр. 57), в других местах относит его то к VIII—IX, то к VIII—X вв. (стр. 61, 62, 64, 66 и др.); наконец, в качестве последнего этапа иконоборческого движения автор выдвигает 922—1025 гг., называя это время „последним этапом дофеодального периода истории Византии“ (стр. 76), т. е. относит к „дофеодальному“ периоду даже начало XI в. Весь вопрос заклю-

чается в том, следует ли относить к „дофеодальному“ периоду X век, который сам автор на стр. 62 называет веком „аграрного переворота“, отделяя его от „дофеодального“ периода. В этот вопрос следовало бы внести большую ясность, поскольку от правильной периодизации зависит многое в понимании процесса феодализации в Византии.

Отсутствие четкости в этом вопросе приводит к ряду неверных положений в работе М. Я. Сюзюмова: он утверждает, что в VIII—X вв. (румынский историк Н. Константинеску растягивал этот период даже до XII в.) в Византии не было крепостных крестьян (стр. 64). Это положение неверно. Во-первых, в этом случае остается неясным, что представляла собой фемная знать, чей труд она эксплуатировала. Во-вторых, даже для IX и тем более для X в. источники свидетельствуют о наличии зависимого крестьянства. Зависимых крестьян знают акты Лавры св. Афанасия и Латрского монастыря (X в.), говорящие о *προσταθήμενοι*; акты монастыря Иоанна Колову¹ (начало X в.) трактуют париков в смысле зависимых крестьян. Вполне возможно, кроме того, что зависимые крестьяне понимаются под терминами *δοῦλοι, οἰκέται*.² Наконец, жития IX—X вв. постоянно говорят об отпуске на волю рабов с наделением их *λεγῆτα*, т. е. наделами. Эти данные не согласуются с категорическим утверждением М. Я. Сюзюмова о том, что „в VIII—X вв. византийская деревня была поселением свободных крестьян, собственников и арендаторов исполу и десятинников“ (стр. 64). Эти данные заставляют характеризовать этот период в истории Византии как время сосуществования и борьбы по меньшей мере трех укладов: рабовладельческого, феодального и, если так можно выразиться, общинного.

Серьезным недостатком исследования является умаление роли классовой борьбы трудящихся масс и некоторая идеализация политики правящих классов. Восстания Фомы Славянина автор касается очень бегло (стр. 74). Между тем именно это восстание привело к сплочению всех прослоек господствующего класса, внешним выражением чего явилось восстановление иконопочитания в 843 г. Этим восстанием завершается период иконоборчества в узком смысле слова.

И в той части исследования М. Я. Сюзюмова, в которой (правда, очень бегло) рисуется наступление феодалов на крестьянство (стр. 65—66, 75—76), недостаточно освещена классовая борьба византийского крестьянства: автор ничего не говорит о восстании Аже-Дуки, или Василия Медной руки, о смутах Фок и Склиров, в которых, несомненно, принимало широкое участие крестьянство. Вскрывая противоречия внутри господствующего класса, М. Я. Сюзюмов отодвигает на задний план значение классовой борьбы закрепощаемого крестьянства. Недостаточное внимание уделено павликианам.

В ряде случаев М. Я. Сюзюмов чрезмерно идеализирует отношения между византийским государством, отражавшим интересы правящих классов, и крестьянством. Эта идеализация является следствием недостаточно продуманных формулировок, может быть, стремления заострить мысль, и иногда прямо противоречит основным и правильным взглядам автора.

У М. Я. Сюзюмова проскальзывает тенденция изображать правительственную власть Византии в роли выразительницы народных

¹ Изд. Порф. Успенский. История Афона, т. III.

² Ср. Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. ВДИ, 1939, № 1, стр. 364.

интересов, переоценивать значение актов государства „в защиту“ крепкого крестьянства, хотя, с другой стороны, автор вполне отчетливо видит, что подлинной защитницей крестьянства являлась его общинная организация. На стр. 54 автор пишет, что Юстиниан „был неумолимым“ и „беспощадно действовал против сильных людей“. Такая формулировка тем более досадна, что на той же странице выясняются действительные причины, толкавшие Юстиниана к обузданию крупных землевладельцев. Диссонансом звучат такие выражения, как, например: „Византийская государственность на отдельных этапах... действительно была заинтересована защищать мелкую крестьянскую собственность...“ (стр. 58). Здесь речь идет о Македонской династии, крестьянскую политику которой автор противопоставляет политике Каролингов, объявляя последнюю не в пример первой чисто декларативной и приписывая Македонским императорам „действительную заинтересованность“ в защите крестьянства. При всем различии феодализационного процесса на Западе и в Византии трудно, однако, отрицать принципиальное сходство побуждений, диктовавших принятие в законодательном порядке мер, направленных против поползновения растущей феодальной знати к закреплению свободного крестьянства как на Западе, так и в Византии. Факты показывают, что новеллы Романа I были не следствием заинтересованности государственной власти в защите крепкого крестьянства, но результатом крестьянских восстаний, т. е. вынужденными уступками. Мы уже отмечали, что М. Я. Сюзюмов упустил из виду эти восстания X в. Было бы, может быть, правильнее говорить лишь о некоторых дополнительных стимулах (по сравнению с Каролингами) крестьянской политики византийских императоров — удовлетворение в какой-то мере интересов городской чиновно-ростовщической верхушки, составлявшей в Византии, в отличие от варварских королевств Запада, существенную часть государственного аппарата и эксплуатировавшей крестьянство в форме взимания централизованной ренты, что так рельефно отмечено в исследовании. Говорить же о „действительной заинтересованности“ Македонской династии в защите крестьянства не приходится. Нельзя, кроме того, сбрасывать со счета и то, что политика императоров Македонской династии не была единой. Совершенно различными были мероприятия Льва VI, Романа I, Константина Багрянородного, Никифора Фоки, выступавших выразителями интересов различных групп правящего класса. Таким образом, нет оснований изображать политику Македонской династии в виде осуществления единой и строго последовательной программы, тем более, — программы защиты крестьянства.

Такого же рода ошибочные взгляды автора можно отметить и в других частях его работы. М. Я. Сюзюмов пишет об изменении отношения византийского крестьянства к варварам в VIII—IX вв. и указывает, что в это время „крестьянство... дружно отстаивало независимость своего государства“ (подчеркнуто нами. — М. З.) (стр. 65). В доказательство своей точки зрения он приводит легенду о Дигенисе Акрите, считая этот образ созданием народного эпоса. Доказательство автора в этом вопросе, однако, неубедительно. Нельзя забывать, что Дигенис в эпосе — выходец из знати (его родственники — стратеги и т. д.) и крупный собственник. Точно так же неубедительно приписывать народному творчеству превращение Константина V в образ богатыря.

На стр. 66 М. Я. Сюзюмов безоговорочно утверждает, что крестьянин в Византии мог в большей мере, чем на Западе „получить защиту

от государства“: создается впечатление, что византийское государство выступало в роли благодетеля крестьянских масс. Указывая, что в отдельных случаях „государство в с е р ь е з и д е л о в и т о (подчеркнуто нами. — М. З.) защищало от динатов свободного крестьянина“ (стр. 68), М. Я. Сюзюмов в данной формулировке проходит мимо того, что это была „защита“ крестьянства от одной группы господствующего класса ради выдачи того же крестьянства на поток и разграбление другой фракции господствующего класса, хотя об этом он сам говорит в другом месте. Тем самым М. Я. Сюзюмов, в результате нечеткой формулировки, затушевывает классовую сущность политики византийских императоров, „всерьез и деловито“ защищавших не крестьянство, а интересы различных эксплуататорских прослоек.

В своей работе М. Я. Сюзюмов подвергает радикальной критике теорию иконоборческого движения, которую он называет „военно-бенефициальной“. Он справедливо отмечает, что эта теория противоречит прочно доказанному советскими исследователями положению о распространении свободной крестьянской общины (прежде всего в результате славянской колонизации) как основы глубокого обновления социального и военного строя Византии. М. Я. Сюзюмов отвергает главные положения „военно-бенефициальной“ теории, которая: 1) признавала колоссальные размеры церковного землевладения; 2) исходила из того, что такое положение было опасным для государства и 3) утверждала, что в результате борьбы с монастырским землевладением была введена система харистикий, которые эта теория приравнивала к западноевропейским бенефициям.

М. Я. Сюзюмов исходит из того факта, что монастырское землевладение потерпело огромный ущерб в результате славянских и арабских вторжений; в то же время земельные богатства монастырей и других крупных соборников были захвачены крестьянами. Из этого М. Я. Сюзюмов делает вывод, что никакая группировка господствующего класса не могла быть заинтересована в том, чтобы вступить в борьбу с крупным монастырским землевладением: „Никаких лозунгов секуляризации в источниках найти нельзя, да и никакой необходимости в секуляризации не было“ (стр. 89).

Утверждение М. Я. Сюзюмова о незначительных размерах монастырского землевладения накануне иконоборчества, как видим, служит главной предпосылкой для его гипотезы о том, что борьба с монастырским землевладением не могла являться основой иконоборческой политики. Таким образом, вопрос о размерах монастырского землевладения приобретает значение центрального вопроса всего исследования. Следует выяснить, насколько автору удалось его разрешить.

Проблема церковного и, в частности, монастырского землевладения накануне иконоборчества недостаточно изучена. Традиционное представление о том, что церкви в это время принадлежала треть земельной площади империи, не соответствует действительному положению вещей. М. В. Левченко, специально занимавшийся вопросом о церковных имуществах в Византии V—VII вв., показал, что это представление не находит себе подтверждения в источниках.¹ Источники, относящиеся ко времени варварского вторжения, как отмечает М. Я. Сюзюмов, ничего не сообщают о „монастырях-княжествах“, представление о которых так раздуто буржуазной историографией.

¹ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. — „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 18—19.

Однако нельзя считать, что вопрос о размерах монастырского землевладения получил в работе М. Я. Сюзюмова убедительное решение. Чтобы получить исчерпывающий ответ на этот центральный вопрос своего исследования, автор должен был бы собрать все конкретные данные житийной литературы и других памятников о возможно большем числе отдельных монастырей. К сожалению, М. Я. Сюзюмов не сделал этого; он привел лишь несколько примеров незначительности размеров земельных владений, а также указал, что точка зрения тех исследователей, с которыми он полемизирует, не аргументирована. Однако этого явно недостаточно. К тому же не следует забывать, что житийная литература тенденциозно преуменьшает размеры монастырских владений, подчеркивая „бедность“ и „нестяжательство“ монахов. Поэтому гипотеза М. Я. Сюзюмова отнюдь не может считаться доказанной. Правильно указывая, что иконоборчество явилось формой борьбы различных группировок господствующего класса, М. Я. Сюзюмов, однако, не смог доказать, что в его основе не лежала борьба за землю. Самый факт существования крупного церковного землевладения не может отрицать и автор, который приводит ряд ярких фактов, свидетельствующих о наличии значительных земельных владений в руках епископов-иконоборцев (стр. 81).

Далее М. Я. Сюзюмов отвергает традиционное представление о харистикии как об условном феодальном держании, аналогичном западноевропейскому бенефицию. Он показывает, что этот институт возник еще до эпохи иконоборчества и лишь позднее „в условиях роста феодальных институтов приобрел феодальный смысл“ (стр. 90). Доказательство необоснованности традиционного отождествления харистикии с бенефицием автором аргументировано более убедительно.

М. Я. Сюзюмов отрицает связь иконоборчества с развитием харистикарной системы и тем более — с введением военных бенефициев. По его мнению, единственным реальным результатом иконоборческого движения были упадок крупного и укрепление мелкого крестьянского землевладения: „Иконоборческая политика не содействовала развитию крупного землевладения, в конечном результате к концу VIII в. укрепилось... свободное крестьянство“ (стр. 96). Однако с этим выводом трудно согласиться.

Прежде всего следует отметить, что материал источников, которым оперирует автор для доказательства тезиса о значении иконоборчества как фактора, усилившего дальнейшее развитие свободного крестьянского землевладения, слишком ограничен: по существу речь идет лишь о 12-м правиле собора 787 г., в котором умалчивается о необходимости возвращения монастырю крестьянских участков, возникших на месте ранее разгромленных монастырских владений (стр. 96). Это *argumentum ex silentio* в качестве единственного довода для обоснования столь важного положения не может считаться достаточным. С другой стороны, восстание Фомы Славянина в самом начале IX в. убедительно свидетельствует о том, что эпоха иконоборчества была временем не укрепления свободного крестьянства, а началом становления феодальной зависимости.

Исследование М. Я. Сюзюмова заставляет пересмотреть основные положения „военно-бенефициальной“ теории иконоборчества, хотя выдвинутая им оригинальная концепция, по-новому объясняющая сущность иконоборческого движения, отнюдь не может считаться окончательно разрешающей проблему.

Работа М. Я. Сюзюмова обладает рядом других существенных недостатков. Автор чересчур бегло касается ряда кардинальных вопросов, сплошь да рядом высказывая интересные мысли, но почти не аргументируя их. Многие параграфы работы заслуживают того, чтобы быть развернутыми в специальные исследования. В противном случае отдельные, даже убедительные положения автора остаются все же недоказанными. Наконец, в отдельных случаях недостаточно четкие формулировки препятствуют правильному пониманию мыслей автора.

Хорошо выясняя социальную и политическую роль константинопольского патрициата, М. Я. Сюзюмов в то же время не уделяет должного внимания константинопольской чиновничьей бюрократии; иногда он отождествляет ее с патрициатом (стр. 68), однако ведь цеховые мастера и синклитики не составляли единого целого. Не случайно император Феофил заявлял, что синклитикам не пристало заниматься торговлей.

Убедительно вскрывая специфику византийского города и его социально-политическое значение в VII—IX вв., выдвигая тезис о большом значении, которое имел город в истории Византии, М. Я. Сюзюмов, однако, ссылается только на Константинополь. Роль таких городов, как Херсонес, Солунь, Трапезунд, Амастрида, автором не показана. Поэтому вывод о том, что и „после краха юстиниановской Византии город оставался в центре византийской жизни“ (стр. 60), оказывается недостаточно аргументированным.

Нельзя признать успешными попытки автора решить сложный вопрос об уровне сельскохозяйственного производства и его основных признаках в VIII—IX вв. (стр. 61). Соглашаясь с М. Я. Сюзюмовым в том, что применение примитивного бесколесного плуга в зерновом хозяйстве не может служить решающим признаком, мы не считаем возможным принять тезис автора о комбинации зернового хозяйства с огородным, садовым хозяйством и домашним скотоводством как решающем признаке уровня сельского хозяйства для этой эпохи: ведь если примитивный плуг применялся в зерновом хозяйстве до XIX в., то и указанная комбинация различных видов хозяйства отнюдь не свойственна только эпохе Салической правды или „Земледельческого закона“, — она была характерна еще для древнего Востока. Автор ставит этот вопрос мимоходом, между тем он требует специального углубленного изучения.

Своего рода „мимолетность“ в постановке отдельных вопросов особенно вредит автору там, где он пытается подтвердить свои выводы аналогиями с процессами, протекавшими на Западе. Автор высказывает ряд замечаний по вопросу о причинах сохранения более ярко выраженных, по его мнению, элементов крепостнической зависимости на Западе по сравнению с Византией (стр. 64); однако эти замечания вызывают серьезные сомнения. М. Я. Сюзюмов указывает, что на Западе крепостнические формы зависимости сохранились благодаря тому, что в процессе завоевания Западной Римской империи варварами между вождями варваров и остатками римской знати заключались компромиссы, между тем как в Византии варваризация происходила „более стихийно“. Получается, что сила революционных выступлений рабов и колонов на Западе была меньшей по сравнению с Византией. Это не вяжется с известными фактами восстаний именно в областях будущего франкского государства. Моменты компромисса носили временный, преходящий характер и имели место главным обра-

зом лишь в южных областях Западной Римской империи (остготское и вестготское королевства). Этих компромиссов было меньше во франкском государстве: не случайно Энгельс пишет о свободном франкском крестьянине, стоявшем между римским колоном и средневековым крепостным.

Неубедительна также и мысль автора о том, что условия для варварских вторжений в пределы Византии были более благоприятны, чем для вторжений в Галлию. Автор этим стремится отчасти объяснить причины более глубокой ломки элементов крепостничества в Византии по сравнению с Западом. Но не говоря уже о „мощных традициях централизованного государства“ в Византии (стр. 67), трудно согласиться с тем, что границы Меровингской Галлии были более защищены, чем границы Византии, и поэтому-де в Византии была менее благоприятная почва для компромиссов старой знати с варварской, чем на Западе. И этот вопрос нуждается в более углубленном исследовании.

Серьезным недостатком рецензируемой работы, подрывающим доверие к выводам автора, является прием доказательства тех или иных положений, касающихся определенных фактов определенной эпохи, путем ссылок на другие факты и источники, взятые из совершенно других эпох. Известно, что Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 15 декабря 1882 г. резко критиковал немецкого историка Маурера как раз из-за „привычки приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и вперемешку“.¹ Товарищ И. В. Сталин учит, что „непозволительно для марксиста смешивать и валить в одну кучу такие разнородные явления“, которые „отражают две совершенно различные эпохи, отличающиеся друг от друга не только по времени (что очень важно), но и по самому своему существу“.² Пренебрежение этими указаниями классиков марксизма-ленинизма ослабляет весомость многих доводов автора и приводит его порой к рискованным аналогиям.

Например М. Я. Сюзюмов использует житие Феоктисты Лесбосской, относящееся, как доказал В. Г. Васильевский, к X в., для иллюстрации тезиса о запустении и разрухе старых рабовладельческих поместий в VII—начале VIII вв. (стр. 56); житие Илариона (конец IX в.)—для анализа социальных процессов первой половины VIII в. (стр. 72); исследуя порядок судопроизводства в византийской деревне VIII—IX вв., автор привлекает монастырские акты XIII—XV вв. (стр. 63). На стр. 58 автор уподобляет стратиотское землевладение землевладению в областях казачьего войска в России. На стр. 74 он пишет: „Подобно полякам в 1605 г., арабы использовали самозванца и т. д. . . , проводя таким образом политику интервенции“, и проводит аналогию между Фомой Славянином (Аже-Константин) и Аже-Дмитрием.

Самого серьезного упрека заслуживает недостаточно критическое отношение М. Я. Сюзюмова к отдельным представителям и выводам буржуазного византиноведения. В особенности некритично отношение автора к некоторым положениям и выводам Г. Острогорского, например в вопросе о времени завершения феомного устройства (стр. 57), и Б. А. Панченко, идеалистическое высказывание которого М. Я. Сюзюмов цитирует, не давая ему критической оценки (стр. 57).

В этой связи нельзя не обратить внимания также на тот факт, что М. Я. Сюзюмов, подвергая пересмотру буржуазные концепции развития

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 599.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 342.

Византии и проблемы иконоборчества, не проводит необходимого разграничения между буржуазным и советским византиноведением. Он пишет об исторической традиции „от Гиббона до стабильных учебников вузов советского периода“ (стр. 51), ставит в один ряд авторов советских учебников по истории средних веков и советских византинистов с буржуазными византологами Ш. Дилем и Папаригопуло (стр. 79). Следовало бы вообще подробнее остановиться на критике буржуазных концепций иконоборчества (Брейе, Острогорский и др.).

В заключение остановимся на некоторых более мелких недостатках рецензируемой работы.

В отдельных случаях М. Я. Сюзюмов дает неправильное или неточное толкование текста источников. В настоящее время нет нужды возвращаться к устарелому толкованию того места из тацитовой „Германии“, которое М. Я. Сюзюмов приводит на стр. 49 (см. также стр. 76, прим. 3) в доказательство того, что германцы-воины сами земледелием не занимались: это место („Германия“, гл. 15) относится скорее всего не вообще к германцам, как безоговорочно полагает автор, а к знати.

На стр. 57 неправильно указывается, что в житии Филарета Милостивого „подробно перечисляются его проастии“ — на самом деле в этом житии только указывается их число [кстати, проастии — это не обязательно пригородные имения, как думает автор (стр. 66)]. Пытаясь на основе данных этого жития доказать переход земель магнатов в руки мелких производителей, М. Я. Сюзюмов не учитывает того, что, по тексту жития, земельные владения Филарета были заняты не только земледельцами и соседями, „окрест его“ жившими, но и „династами“ (стр. 57). Таким образом, толкование автором источника является натянутым.

В работе встречаются различные неточности, мало удачные и недостаточно продуманные определения, спорная и неясная терминология и т. д. „Грузинское“ житие Илариона правильнее называть греческим, оно только сохранилось в грузинском переводе (стр. 72). На стр. 57 говорится о крахе рабовладельческого поместья во второй половине VII и в VIII в. в результате нашествий славян, персов и арабов, но ведь персидского государства во второй половине VII в. уже не существовало.

На стр. 63 дается ссылка на Салическую правду, XIX, 1; в действительности речь идет о титуле — *De migrantibus* (XLV).

Неясным представляется термин „позднерабовладельческое крепостное право“ (стр. 55). Крепостное право предполагает уже сложившееся феодальное общество. Если автор имеет в виду колонов, то Энгельс определяет их как „предшественников средневековых крепостных“.¹ Если этим термином автор обозначает известные формы зависимости крестьянской общины, существовавшие исстари в странах древнего Востока, то ведь „царские земледельцы“ известны еще эллинистической эпохе, и по отношению к этой форме зависимости термин „позднерабовладельческое крепостное право“ также неприложим.

Наконец, хочется указать на техническую небрежность автора, проявленную в ссылках. Следовало бы выработать и привести список сокращений. Ссылки на одни и те же издания и памятники автор

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 126.

зачастую дает в разных произвольных вариантах, иногда очень неполно. Это затрудняет чтение работы и проверку ее выводов.

Все эти замечания не должны все же помешать общей положительной оценке работы М. Я. Сюзюмова. Нет сомнения, что после ее выхода трудно будет излагать по-старому историю Византийской империи в VII—IX вв. Работа М. Я. Сюзюмова разрушает традиционные представления об иконоборчестве как о борьбе государства против крупного монастырского землевладения. Однако позитивные положения М. Я. Сюзюмова, которые он выдвигает взамен традиционной концепции, вызывают, как мы видим, самые серьезные возражения: проблемы иконоборчества требуют еще очень серьезной работы советских исследователей.

М. А. Заборов

МАРИАН МАЛОВИСТ. КАФФА — ГЕНУЭЗСКАЯ КОЛОНИЯ В КРЫМУ И ВОСТОЧНАЯ ПРОБЛЕМА В 1453—1475 гг.

381 стр. 1947.

Marian Malowist. Kaffa — Kolonia genueńska w Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475.

Монография польского историка М. Маловиста, посвященная истории Каффы в последний период ее существования, как генуэзской колонии, по тематике представляет несомненный интерес не только для Польши, торговля которой в средние века была тесно связана с львовско-каффинским направлением,¹ но и для советской историографии. История средневековой Каффы — современной Феодосии — часть нашего прошлого как в силу торговых связей Крыма и особенно Каффы с Киевом и Московским государством, так и в силу того, что Крым — часть нашей Родины. В истории Каффы средневековые Запада и средневековые Руси сливаются воедино.

Кроме новейшей обширной литературы, Маловист использовал большое количество опубликованных источников по истории разных стран (Польши, Литвы, России, Румынии, Италии, южнославянских стран, Венгрии): хроники, акты, произведения средневековых писателей, папские эпистолярии и др. Частично работа базируется на материалах, извлеченных автором из венецианского и генуэзского государственных архивов.

Книга состоит из двух частей. В первой из них автор дает краткую историю черноморских колоний Генуи до середины XV в. и более развернутую характеристику Каффы в середине XV в. со стороны топографии, населения, управления, финансов, торговли (внутренней и внешней) и отчасти ремесла. Больше всего внимания он уделяет внешней торговле. Гораздо более обширная вторая часть книги целиком посвящена истории международных политических отношений в Юго-Восточной Европе в 1453—1475 гг.

¹ Истории львовско-каффской торговли посвящены работы: S. Kutrzeba. Handel polski ze wschodem w wiekach średnich. Krakow, 1903; L. Charewiczowa. Handel sredniowieczego Lwowa. Lwow, 1925.